

У Сюй Сяочжэня не было ничего. Ничего, что он мог бы предложить Гу Яню в обмен.

Он долго колебался, прежде чем отдернул руку, дрожащими пальцами расстегнул пуговицы пижамы, снял верх и оголил тело. Затем взял руку Гу Яня и прижал его горячую ладонь к своей ледяной коже:

— Если тебе нужно только моё тело... Я лягу с тобой в постель. Делай что хочешь. Только, пожалуйста, отпусти меня потом. Хорошо?

— Считай, что это заодно и ради твоего жениха. Я больше не хочу быть любовником. Не хочу, чтобы и он страдал.

Под ладонью Гу Яня — тонкая, почти детская кожа. Сюй Сяочжэнь сам тянется к нему. У Гу Яня пересохло в горле, кадык заметно дернулся. Он склонился, нежно коснулся губ Сюй Сяочжэня и поднял его на руки, укладывая на кровать.

В этот раз он был особенно мягок. Следил за каждым выражением лица, боялся сделать больно, слишком сильно надавить, довести до слёз. Хоть бы в этом — в теле — Сюй Сяочжэнь почувствовал удовольствие.

Но Сюй Сяочжэнь чувствовал, как душа и тело расходятся в стороны.

Тело — будто давно мёртвое, белое месиво плоти, лежащее на простынях. А душа — вырвана, плывёт где-то сверху, глядит на всё это и трещит от боли.

Его совесть кричала. Он знал: у Гу Яня есть жених. И уйти от него — было единственно верным решением. Почему же он сделал это так? Почему именно так?

Гу Янь, в этом мире нельзя хотеть всего и сразу.

Как же это отвратительно.

Они спят вместе за спиной у его жениха.

Сюй Сяочжэнь ненавидел себя. Почему он не может просто умереть? Почему глаза не ослепли до конца, резко, бесповоротно?

Всё это жалкое существование, это вялое желание жить — толкает его на такие поступки.

Он сам пошёл на это. Он — отвратителен.

Отпусти меня, и Чэнь Баочжу тоже. Так он говорил? Глупости.

Если бы он умер — вот тогда бы всех и отпустил.

Но он не хочет умирать. Он хочет жить. Жить по-настоящему. Хочет, чтобы глаза видели. Чтобы он мог ясно увидеть этот мир.

Он смотрел в потолок, с пустым выражением. Люстра медленно раскачивалась.

Гу Янь, сплетаясь с ним пальцами, утопал в ощущениях. Но неожиданно его взгляд упал на лицо Сюй Сяочжэня.

Оно было безжизненным. Щёки лишь слегка порозовели, волосы липли ко лбу от пота — но на этом всё. Ни намёка на наслаждение. Как будто его здесь не было. Даже скорее — как будто он терпел.

Его сердце будто пронзили насквозь — в нём разверзлась дыра, в которую со свистом врывался холодный ветер. Леденящее, пустое.

Всё это напоминало спектакль в одну актёрскую роль. Сколько бы он ни старался, как бы ни выкладывался — ответа не было.

Сюй Сяочжэнь всегда любил поцелуи. Гу Янь сильнее сжал его пальцы, наклонился, чтобы поцеловать его.

Но Сюй Сяочжэнь не выдержал. Перевернулся и, свесившись с кровати, начал судорожно блевать.

Гу Янь испугался. Подскочил, стал похлопывать по спине, подал воду.

Сюй Сяочжэнь оттолкнул стакан:

— Продолжай. Закончи уже.

Гу Янь застыл, не двигаясь, а Сюй Сяочжэнь сам подтолкнул его обратно.

Когда всё закончилось, Сюй Сяочжэнь то ли уснул, то ли потерял сознание, а может — просто закрыл глаза, чтобы не видеть. Он отвернулся, лёг на самый край кровати, сжал веки — и больше не прижался к Гу Яню, как прежде.

Гу Янь остался один. Он мог только вспоминать, как было раньше — и искать в прошлом каплю тепла.

Он не знал, что делать. Никто не объяснил ему, как. Он всегда верил: если чего-то хочешь — надо забрать. И держать крепко.

Он хотел и тело Сюй Сяочжэня и сердце. И даже сейчас он не считал себя виноватым.

Он вышел на террасу, выкурил несколько сигарет. Только когда смог немного прийти в себя, вернулся в спальню.

Сюй Сяочжэнь уже не спал. Лежал на боку, молча, как будто и говорить с ним не хотел.

Гу Янь сел рядом. И произнёс то, чего тот ждал больше всего:

— Я отпущу тебя.

И в глазах Сюй Сяочжэня, тусклых, погасших, вдруг вспыхнула искра.

— Но ты ведь сам в школе за собой не сможешь ухаживать. Надо пить лекарства, ставить уколы. Ты плохо видишь — легко упасть. Так что я отпущу тебя, когда тебе станет лучше. У меня тут команда врачей и диетологов, все профессионалы. Они помогут тебе лучше, чем ты сам будешь вслепую разбираться, — спокойно сказал Гу Янь.

Сюй Сяочжэнь поспешно перебил:

— Я могу пожить у Шэнь Ле. Он сможет о мне позаботиться.

Шэнь Ле был ему как младший брат. Он сам его вырастил. Да, в какой-то момент тот оступился, попытался сделать глупость, но уже раскаялся. С тех пор прошло много времени.

Тем более тогда им двигала зависть к Гу Яню. Но теперь, когда Сюй Сяочжэнь и Гу Янь расстались, у Шэня просто не осталось причин ревновать.

Они всё ещё были близки. Почти как семья.

Но стоило Сюй Сяочжэню произнести имя Шэнь Ле, как у Гу Яня вспыхнул гнев. Отдать ослепшего Сюй Сяочжэня Шэнь Ле — это как выбросить ягнёнка ко льву. Он сдержал раздражение:

— Он не годится. Разве он похож на того, кто умеет заботиться? В итоге ты сам за ним бегать

будешь. Всё превратится в хаос.

Сюй Сяочжэнь молча ковырял пальцы. Просто сказал:

— Хорошо.

Главное — Гу Янь пообещал отпустить его. Уже этого было достаточно.

Он не стал больше упоминать Шэнь Ле, и Гу Янь выдохнул с облегчением. Снова заговорил мягко:

— Сяочжэнь, помимо глаз, я ещё назначу тебе полное обследование. Я же сказал, отпускаю тебя. Так что слушайся, лечись.

Сюй Сяочжэнь подумал, что, может, тот действительно отпустил. Почувствовал, как и внутри стало немного легче. Улыбнулся краешками губ:

— Хорошо.

Как ни крути, всё не зашло в тупик. Может, Гу Янь и изменился, но хотя бы остатки совести в нём ещё живы.

Пусть будет так. Эта история заканчивается сегодня.

Семь лет Сюй Сяочжэнь был к нему привязан, ждал перемен. Если Гу Янь осознает ошибки и повернёт назад — ненависть, что только начинала распускаться в его сердце, может ещё исчезнуть.

Гу Янь аккуратно укрыл его одеялом, пожелал спокойно отдохнуть — и вышел. Не дотронулся, не поцеловал, не проявил ни тени привычной близости.

Будто и вправду всё понял. Будто решил провести черту. Уважение, дистанция — вот и всё.

Как только дверь за ним закрылась, Сюй Сяочжэнь попросил телефон и позвонил Шэнь Ле.

Всё же, сколько бы ни говорили о «лучшем лечении», он больше доверял Шэнь Ле. С ним было спокойнее. Кто знает, не изменится ли ещё всё, если остаться здесь?

Когда Шэнь Ле увидел входящий звонок от Сюй Сяочжэня, у него участилось дыхание, глаза заблестели.

Почти две недели Сюй Сяочжэнь не появлялся в университете. Повсюду обсуждали помолвку Гу Яня. Квартира, где они раньше жили, опустела. Всё указывало на то, что Гу Янь снова выкинул свой фокус.

Он сразу понял — тот ублюдок запер его.

Он ждал пол месяца. И, как он и думал, этот ублюдок не подвёл.

Шэнь Ле не стал сразу брать трубку. Намеренно тянул, давая телефону звонить почти до конца. И только потом, неторопливо, сдерживая радость, ответил.

— Братик! Ты сам мне позвонил! Значит, уже не злишься, да?

— Я так рад! Правда, очень скучал. Но боялся, что ты всё ещё сердишься, даже сообщение не решался тебе написать...

Он говорил с таким сладким голосом, будто сиропом залил. И с каждой фразой в нём всё больше проступала нежность и чуть-чуть обиды — мягкий голос, как капля воды, вот-вот скатится.

Сюй Сяочжэнь, услышав его, будто воскрес.

Шэнь Ле — живой, весёлый, с привычным лепетом. Он мог представить его лицо — и это мгновенно согрело всё, что болело в нём в эти недели.

Он не звонил раньше, боялся. Что проболтается. Что Шэнь сорвётся и пойдёт выяснять отношения с Гу Янем. А тот — груб, опасен. Он раздавит Шэнь Ле, не моргнув.

Одна мысль о том, что Шэнь Ле может пострадать — и сердце Сюй Сяочжэня сжималось. Пусть уж он сам страдает. Только бы не брат.

Сейчас он остался у него один. Самый близкий человек.

И только когда Гу Янь пообещал отпустить его, он осмелился позвонить.

Всегда было так, что Сюй Сяочжэнь заботился о Шэнь Ле. А теперь просить у него помощи — даже неловко. Он тербил простыню, вёл разговор куда-то вбок, пока, наконец, не набрался смелости:

— А-Ле, у тебя есть время? Можешь приехать на Мингуан Лу, 99? Забрать меня? Мне, наверное, придётся пожить у тебя немного. Обещаю, я ни в коем случае не...

Он не успел договорить — Шэнь Ле с оттенком досады перебил:

— Братик, я бы с радостью! Но сейчас так завал, совсем нет времени. Я так устал... Кстати, ты же с женихом живёшь? Поссорились?

Это была вежливая форма отказа. Сюй Сяочжэнь вспыхнул, весь покраснел от стыда. Раз Шэнь Ле сказал, что занят, он не решился настаивать:

— Ничего. Занят — иди по делам. Отдыхай, ешь вовремя. У меня всё хорошо. Просто... скучал.

Шэнь Ле радостно пробормотал что-то и быстро отключился.

Сюй Сяочжэнь остался глядеть в экран. В Первом округе ему, похоже, больше не к кому обратиться. Оставалось только дожидаться, пока зрение восстановится, и надеяться, что Гу Янь сдержит слово.

А в это время Шэнь Ле бегал по комнате, ликовал, распахнул гардеробную, вытащил охапку одежды и начал прикладывать к себе в зеркале — в чём бы показаться Сюй Сяочжэню?

Нет, всё не то. Надо заказать нечто особенное. Безупречный наряд. Появиться перед ним как небожитель.

Он не был занят. Ему было скучно. Просто — пока не время.

Это лишь начало.

Сюй Сяочжэнь когда-то предал его — польстился на блестящую обёртку Гу Яня. Теперь расплачивается. И это справедливо.

Он же так его любил, да?

Вот теперь пусть хлебнёт. Сначала предательство, потом — помолвка, теперь ещё и заточение. Отлично.

Во время разговора голос Сюй Сяочжэня звучал спокойно, ровно. Ни намёка на отчаяние, мольбу или надлом. Казалось, он всё ещё не дошёл до той черты, за которой начинается безумие. Он не был доведён до предела.

Если бы Шэнь Ле сорвался с места спасать его после одного такого разговора — какая же цена у этого поступка? Ничтожная. Сюй Сяочжэнь бы не оценил, не прикипел душой, не стал бы воспринимать его как единственный якорь. Возможно, очень скоро он бы забыл весь кошмар с Гу Янем и бросился в объятия следующего мужчины.

Люди не ценят то, что достаётся слишком легко.

Спасение, пришедшее в самый мрачный момент, — вот что становится единственным светом во тьме.

Когда-то Сюй Сяочжэнь был этим светом. Единственной опорой. Шэнь Ле верил: он всегда будет рядом, будет любить, защищать, не оставит. Но Сюй Сяочжэнь его бросил.

Сначала, когда он сам сидел в темноте своей комнаты, свернувшись, он звал брата. Хотел, чтобы тот пришёл и вытащил его.

Потом, когда брат всё не приходил, он начал злиться. Но всё ещё думал: стоит тому появиться — простит. Всего один шаг навстречу — и всё будет хорошо.

Но когда одиночество, боль, страх и отчаяние накапливались, достигли предела, а Сюй Сяочжэнь так и не появился — он начал его ненавидеть. До тёмной клятвы: он заставит Сюй Сяочжэня испытать всё то же.

Он помнил, как по телевизору мужчины клялись женщинам. И как сам клялся Сюй Сяочжэню: в радости и в горе, в бедности и богатстве, в здравии и болезни — быть с ним. Не покидать. Даже умереть — только в его объятиях.

И Сюй Сяочжэнь тогда гладил его по голове, улыбался и говорил: «Обещаю».

Он пообещал. И не сдержал.

Шэнь Ле теперь ненавидел сильнее всего именно таких людей.

— Мой самый любимый брат... если ты не умер — почему не пришёл за мной?

Только одна мысль позволяла Шэнь Ле смириться с тем, что Сюй Сяочжэнь столько лет не искал его: он должен быть мёртв. Иначе — как объяснить это предательство?

Постепенно он стал вести себя так, словно Сюй Сяочжэнь и правда умер.

А когда они снова встретились, первой мыслью Шэнь Ле было: сломать его. Сделать так, чтобы

он полностью зависел. Доверял без оглядки. Чтобы весь его мир сжался до одной точки — Шэнь Ле. А потом — выбросить. И заставить умолять.

Но с каждым шагом он всё яснее понимал: это невозможно. Пока существует этот мерзавец Гу Янь, у Сюй Сяочжэня всегда будет отступление. И, что страшнее всего, он, Шэнь, вообще может быть не тем, кого Сюй Сяочжэнь любит больше всего.

Он запаниковал. Не знал, как быть. В порыве эмоций совершил поступок, который только оттолкнул Сюй Сяочжэня.

Но небо само дало ему шанс на месть: Гу Янь объявил о помолвке.

Ха-ха-ха!

Вот же мерзавец!

Да у него и вправду хватило наглости!

Шэнь Ле понял — момент идеальный. Пусть ему и больно видеть, как кто-то другой причиняет Сюй Сяочжэню страдания. Но лучшего шанса не будет.

Гу Янь — тупой. Даже не надо напрягаться, чтобы предугадать его действия.

Он дожждётся, пока Сюй Сяочжэнь будет окончательно сломлен, когда в нём не останется ничего — ни надежды, ни сил, ни веры, ни любви. Когда он будет метаться на грани безумия. Как когда-то он сам.

Только с одной разницей: в тот момент Шэнь Ле появится.

Он будет его последней соломинкой. Тем, за кого можно уцепиться. И если он отпустит — Сюй Сяочжэнь погибнет.

Он достал белоснежную накидку, лёгкую, как облако. Это было не столько платье, сколько трёхметровый кусок шифона — полупрозрачного, струящегося, с мягким отблеском. Её нужно было обмотать в несколько слоёв, закрепить золотыми застёжками — тогда ткань ложилась красиво, многослойно.

Он накинул её на плечи, раскинул руки, закружился перед огромным зеркалом в гардеробной, запрокинул голову и расхохотался.

Накидка трепетала, как утренний туман. Это было одновременно восхитительно... и пугающе.

Сколько кругов он сделал — не сосчитать. В какой-то момент Шэнь Ле упал в грудку одежды, всё ещё улыбаясь, и набросил на лицо ту самую тонкую ткань.

— Брат... Ты испытываешь мою боль. Но я не такой жестокий, как ты. Я спасу тебя. Стану твоим единственным светом.

Одна лишь мысль об этом вызывала у него дрожь во всём теле. Он смеялся всё громче, всё безумнее.

— Брат, я жду твоего следующего звонка.

— Давай посмотрим, сколько ты ещё выдержишь.

...

Тем временем у Сюй Сяочжэня состояние глаз не ухудшалось. Несколько дней подряд внутриглазное давление снижалось — признак улучшения. Если отёк уйдёт, можно будет сделать лазерную операцию, и тогда восстановление пойдёт быстрее.

После повторного осмотра врач сказал именно это — и у Сюй Сяочжэня сразу появился проблеск надежды.

В последние дни Гу Янь нарочно держал дистанцию. Был вежлив, корректен. Сюй Сяочжэню стало заметно легче.

Прошло ещё несколько дней, и Гу Янь сообщил:

— Врач, которого я просил для полного обследования, может прийти сегодня.

Сюй Сяочжэнь начал различать очертания. И тут заметил: Гу Янь ведёт его не к выходу, а к подвалу.

Он нахмурился:

— А разве не в больницу надо?

На лице Гу Яня что-то промелькнуло:

— Дома безопаснее. Да и ты сам не хочешь, чтобы нас видели вместе, правда?

Сюй Сяочжэнь не заподозрил подвоха. Легко кивнул и пошёл за ним вниз.

<http://bllate.org/book/14462/1279178>